

находов и исчезновения. Русские, привезенные мною из Иркутска, священники в северные Дранкинское и Лесное селение, где при мне выстроены церкви, уверяли, что ночью вдруг, ни с того ни с сего, начинается снаружи в церковные углы стук колотушками; все выйдут жители селения посмотреть, и все исчезает. Явления эти случаются только в летнюю пору.¹⁷

То же самое слышал в 90-х годах на Колыме Дионео. Услышав об экспедиции на Северный полюс, один старик сказал ему: «Ну, значит, беспременно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут, намекая на таинственных островитян, о которых согласно говорят легенды русского и инородческого населения побережья Ледовитого океана».¹⁸

Основанием для чукотского предания об острове с «бородатыми» людьми и об имеющихся у них церквах с колоколами, может быть, являются дошедшие до них, а через них и до русских казаков еще в XVII в. смутные рассказы о Японии и айнах, о буддийских и синтоистских храмах с колоколами. Так, известно, что еще в 1710 г. Г. Стадухин взял в полон у Пенжинского устья одну женщину, которая рассказала, что «против-де Пенжинского устья значится остров и земля видеть. И у той-де бабы он, Тарас, с товарищи про тот остров спрашивали, и та-де баба им сказала, что на том острове есть люди бородатые, платье носят долгое, а русских-де людей называют братьями. А они-де, Тарас с товарищи, на том острове не были и пошли назад».¹⁹

Но первоисточником этой легенды все же был, по-видимому, древний миф о стране «бородатых» великанов на островах Ледовитого океана.

Миф о «бородатых» жил, таким образом, на Севере веками. Насколько глубоко были уверены в XIX в. в существовании этих великанов жители Севера, в том числе не только коренные, но и пришлые русские, можно судить не только по сообщениям Громова и Сельского, но и по рассказу участника Чукотской экспедиции 1868—1870 гг. Неймана. По его словам, «предание о бородатых великанах, живущих где-то в море, на севере от берега, или на неисследованных доселе островах, распространено по всему берегу Ледовитого моря от устьев Лены до Колымы. Одни только чукчи в этом случае составляют отрадное исключение, и мне никогда не приходилось слышать от них ничего подобного. Все же остальные прибрежные жители, как русские, так и инородцы, как крещеные, так и язычники, все твердо веруют в существование бородатых людей».

Экспедиции, рассказывает Нейман, было трудно найти людей и собак для поездки на Медвежьих острова, так как «колымские жители о Медвежьих островах имеют самые суеверные понятия, считая их заколдованными, обиталищем злых духов, ехать куда они считают большим трудом. Всевозможные сказки рассказывают они по этому случаю: о без вести пропавших промышленниках, о дикости и злости тамошних медведей, у которых будто бы более зубов, чем у обыкновенных; а самое главное об обитающих там бородатых людях. Этих последних, по их же рассказам, дажно уже никто не видал, но что они там уже перевелись, об этом никто доказать не может».

Нейман встретился на Колыме с двумя местными старожилками, которые уверяли его, что им самим пришлось столкнуться с великанами

¹⁷ Иркутские епархиальные ведомости, 1867, № 51. Цит. по: С. Явловский. Летопись Якутской епархии. Краткий обзор церковно-исторических событий Якутского края от начала христианства до настоящего времени (1620—1905). Центральный государственный архив ЯАССР, ф. 491, оп. 1, № 6, стр. 187—189.

¹⁸ Дионео. На крайнем северо-востоке Сибири. М., 1895, стр. 136.

¹⁹ «Памятник сибирской истории» XVIII в., кн. 2, № 118, стр. 501.